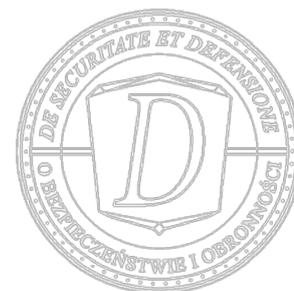


*Nikita SETOV<sup>1</sup>*

*Lomonosov Moscow State University*

*Faculty of Political Science*

*nsetov@gmail.com*



---

## ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ В НЕОКЛАССИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ

---

**АННОТАЦИЯ:** В статье рассматриваются основные подходы к проблеме безопасности, существующие в рамках парадигмы неоклассического реализма: концепция международной политики Б. Бьюзена политическая теория К. Холсти, теория «наступательного реализма» Дж. Миэршеймера и теория «баланса угроз» С. Уолта. Особое внимание уделяется стратегиям поведения государств на международной арене.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** неоклассический реализм, безопасность, Б. Бьюзен, К. Холсти, Дж. Миэршеймер, С. Уолт

---

## SECURITY PROBLEM IN NEOCLASSICAL REALISM

**ABSTRACT:** The article is dedicated to main approaches to security problem in neoclassical realism: B. Buzan's concept of international politics, K. Holsti's political theory, J. Mearsheimer's "offensive realism" theory, S. Walt's theory of "balance of threats". Author pays special attention to state's strategies on international arena.

**KEYWORDS:** neoclassical realism, security, B. Buzan, K. Holsti, J. Mearsheimer, S. Walt

Проблема безопасности является одной из ключевых для современной международно-политической науки, без исследования этой темы не обходится ни одно авторитетное исследование в области мировой политики и международных отношений. Это обстоятельство связано, на наш взгляд, с двумя основными причинами. Первая причина связана с современным состоянием системы международных отношений, которая демонстрирует нестабильность и постоянно изменяется, требуя от государств и негосударственных субъектов мировой политики постоянно трансформировать политический курс, отвечая на новые глобальные вызовы и угрозы. Эта ситуация на международной арене, в свою очередь, порождает вторую причину – теоретическую, которая

---

<sup>1</sup> Nikita Setov – Ph.D. in Political Science, Deputy Dean of the Faculty of Political Science, Lomonosov MSU, Senior Fellow. Research area: theory of politics, theory of international relations, foreign political thought.

связана с необходимостью развития и углубления исследования в области глобальной, региональной и внутренней безопасности государств. Одним из наиболее авторитетных направлений в современной теории международных отношений, исследующих проблему безопасности, является неоклассический реализм.

Неоклассический реализм представляет собой очень многогранное явление в современной политической науке и сочетает в себе огромное количество теорий, которые не всегда похожи друг на друга. Именно поэтому фактически невозможно выделить какой-то общий знаменатель для объединения этих многочисленных концепций.

Тем не менее, у всех неоклассических теорий есть две общие черты. Во-первых, к неоклассическому реализму относят те теории, которые возникли после формирования классического политического реализма Г. Моргантау и структурного реализма К. Уолца. Таким образом, речь идет о хронологическом аспекте возникновения этой ветви политического реализма. Во-вторых, неоклассические теории во многом являются синтетическими, в их рамках совмещаются положения политической теории Г. Моргантау и политической концепции К. Уолца.

Еще одной характерной чертой всех неоклассических теорий политического реализма является то, что все представители (за исключением Дж. Миэршеймера) этой ветви, исследуемого нами подхода, рассматривают внутреннюю структуру государства и ее влияние на внешнеполитический курс.

Пожалуй, лишь эти вышеуказанные черты являются общими для всех теорий неоклассического реализма. Все остальные их элементы крайне необычны и фактически не повторяются. Единственный способ выделить эти элементы – рассмотреть каждую из неоклассических теорий. Мы рассмотрим концепцию международной политики Б. Бьюзена, политическую теорию К. Холсти, теорию «наступательного реализма» Дж. Миэршеймера и теорию «баланса угроз» С. Уолта. Разумеется, во всех случаях мы сделаем акцент именно на проблеме безопасности и ее трактовках в вышеуказанных концепциях.

В рамках нашего исследования наиболее интересно рассмотрение видения современной политической системы с точки зрения Барри Бьюзена. В процессе исследования политического взаимодействия акторов международных отношений Бьюзен оперирует тремя категориями: объем взаимодействия, процесс и структура современной международной системы. Необходимо более подробно рассмотреть каждую из этих категорий.

Итак, первой категорией является понятие «объем взаимодействия» (*«interaction capacity»*). Под этим понятием Бьюзен подразумевает, прежде всего, скорость и динамику взаимодействия между государствами-актерами. По его мнению, за последние годы, вследствие научно-технического прогресса, мировая политика претерпела значительные изменения, которые привели к «смерти дистанции и географии, как основных детерми-

нант международных систем»<sup>2</sup>. Под «смертью» этих факторов ученый подразумевает, что в настоящее время обмен информацией и данными достиг высочайшего уровня своего развития, в следствии чего теперь расстояние между государствами никак не препятствует их активному взаимодействию. Это взаимодействие обусловлено развитием кораблестроения, железных и автомобильных дорог, самолетостроения, а также средствами передачи информации: телефон, интернет и т.д.

Помимо развития инфраструктуры, современный объем взаимодействия акторов международных отношений характеризуется «слиянием военно-политической и экономической международных систем в единое географическое пространство»<sup>3</sup>. В качестве следствия этого слияния Бьюзен видит стандартизацию и синхронизацию эталонов поведения государств в политике. Все государства принимают соглашения и законы глобального характера, что обуславливает их возможность взаимодействия. Этот путь стандартизации, по мнению исследователя, является единственным пропуском в мировую политику, так как в настоящее время все государства, так или иначе, совершают действия согласно некоторым шаблонам поведения на международной арене.

Следующим «отправным пунктом» в характеристике политического взаимодействия акторов международных отношений в теории Барри Бьюзена является понятие «процесс». Этот термин Бьюзен подразделяет на несколько кластеров: военно-политический, экономический, социальный и экологический. В рамках нашего исследования важно обратить внимание на военно-политическое взаимодействие государств.

Характеризуя все типы процессов в политике, Бьюзен говорит о том, что в наши дни все процессы, так или иначе, носят глобальный характер: «Процессы становятся глобальными, как торговля и война, или они остаются локальными, функционируя в глобальном контексте»<sup>4</sup>. Разумеется, эта глобальность связана с объемом взаимодействия на международной арене, где все действия государств определяются общемировыми системами соглашений и правил.

По мнению Барри Бьюзена, военно-политическое взаимодействие государств в современности определяется тремя факторами, первым из которых является создание «единого, общесистемного стандарта военного потенциала»<sup>5</sup>. Этот стандарт определяет количество и качество вооружений, которые может использовать государство, проводя свою военно-политическую стратегию.

Вторым фактором военно-политического процесса в международных отношениях выступает «особо выраженная акселерация скорости и важности технологических инноваций в вооружениях»<sup>6</sup>. С помощью этого тезиса Бьюзен обосновывает роль новей-

<sup>2</sup> B. Buzan, R. Little, *International Systems in World History: remaking the study of international relations*, N.Y. 2000, p. 296.

<sup>3</sup> *Ibidem*.

<sup>4</sup> *Ibidem*, p. 300.

<sup>5</sup> *Ibidem*, p. 302.

<sup>6</sup> *Ibidem*.

ших видов оружия в военно-политическом курсе государств, например, оказание давления или сдерживание агрессора.

Третьим и, на наш взгляд, наиболее важным фактором выступает следующая дилемма, которую Бьюзен составляет из двух тезисов. Во-первых, это «возрастание страха перед военным процессом»<sup>7</sup>; во-вторых, «устойчивый страх уничтожения другими акторами в системе»<sup>8</sup>. Следовательно, исследователь подразумевает, что каждое государство не желает участвовать в военном процессе, так как это подрывает основы его существования, но, в то же время, государство-актор всегда опасается негативных действий со стороны других элементов системы. Таким образом, мы видим, что в вопросе взаимоотношений акторов на международной арене позиция Бьюзена совпадает с позицией Кеннета Уолца, который видел в международной среде лишь анархию и угрозы для государств.

В качестве последней, третьей категории анализа политического взаимодействия государств на международной арене Барри Бьюзен выделяет понятие «структура», которое ученый определяет так: «Структура – принципы, упорядочивающие положение элементов в системе»<sup>9</sup>. Таким образом, структура – некие правила, которые определяют положение государств в мировой политической системе. Как и в случае с понятием «процесс», Бьюзен вкладывает в понятие «структура» различные значения: военно-политическое, экономическое и социальное. Как и в предыдущих случаях, необходимо обратиться к анализу военно-политической структуры взаимодействия акторов.

Итак, рассматривая военно-политическую структуру, Барри Бьюзен обращается к терминологии Кеннета Уолца, о позиции которого уже неоднократно упоминалось в нашем исследовании. Таким образом, позиция Бьюзена по вопросу о роли структуры в межгосударственном взаимодействии совпадает с позицией Уолца, что подтверждается следующим тезисом: «Один тип элемента становится универсально доминирующим, и система сохраняет стабильную анархическую структуру без смещения глубинной структуры в сторону иерархии»<sup>10</sup>. Следует более детально рассмотреть это определение военно-политической структуры: во-первых, универсально доминирующим элементом является государство во-вторых, анархическая структура предполагает невозможность мирного сосуществования государств на международной арене. Касательно третьего термина в определении, «глубинная структура», следует отметить, что Бьюзен не дает определения этому понятию. Но, на наш взгляд, под этими словами он подразумевает именно систему отношений и диспозиций между государствами, в то время как международная анархия охватывает все проявления взаимодействий государств.

---

<sup>7</sup> *Ibidem.*

<sup>8</sup> *Ibidem.*

<sup>9</sup> *Ibidem*, p. 442.

<sup>10</sup> *Ibidem*, p. 331.

Подводя итог, можно сказать, что основополагающими категориями анализа политического взаимодействия акторов в работах Барри Бьюзена являются понятие «объем взаимодействия», которое характеризуется динамикой отношений между государствами; понятие «военно-политический процесс», которое определяется глобальной системой стандартов поведения и ролью новейших вооружений в мировом политическом процессе; понятие «военно-политическая структура», содержание которого сводится к доминирующей роли государственных субъектов и анархической среды в формировании мировой политической системы.

Подводя итоги анализа политического взаимодействия государств на международной арене, необходимо рассмотреть еще один аспект теории Бьюзена, а именно – функционирование угроз (*The Operation of Threats*). Ученый считает, что обращаться к этому вопросу можно лишь в том случае, когда «проблема, возникающая тогда, когда угроза, становящаяся истоком национальной безопасности зависит не только от своего типа, но и от того, как государство воспринимает ее, а также и от интенсивности, с которой эта угроза действует»<sup>11</sup>. В этом определении автор вновь обращается к термину «угроза» и выделяет несколько факторов, которые характеризуют тип угрозы: особенности угрозы, близость во времени и пространстве, вероятность появления, возможные последствия и исторические факторы, которые могут усилить действие угрозы.

Помимо выделения определяющих факторов угроз, Бьюзен предлагает свою типологию угроз для государства. Во-первых, это угрозы военного характера, которые представляют собой наибольшую опасность для государства. Они могут варьироваться от нелегальных действий рыболовных судов до карательных налетов авиации, от территориальных захватов до полной экспансии. Во-вторых, это политические угрозы, целью которых является нарушение организационной стабильности государства, оказание давления на идею государства, отличительные черты нации, идеологию и институты. В-третьих, это угрозы социального типа, которые чаще всего являются составной частью политических или военных угроз (например, отношение к славянским народам в Нацистской Германии). В-четвертых, угрозы экономического характера, которые направлены на разрушение физической базы государства. В-пятых, Бьюзен выделяет экологические угрозы, которые действуют аналогично экономическим.

Помимо вышеприведенной классификации угроз по сферам их направленности, Бьюзен выделяет еще две классификации угроз: по географическому признаку и согласно вышеуказанным факторам. Опираясь на географическое положение различных государств, выделяет угрозы, возникающие при близком (Иран и Ирак) и среднем (США и Япония) расстоянии между государствами. По мнению ученого, географическое положение играет исключительную роль в функционировании угроз, так как в си-

---

<sup>11</sup> B. Buzan, *People, States & Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*, Dorchester 1991, p. 134.

туации, когда оппонент находится рядом, возрастает возможность экспансии и снижается вероятность применения оружия дальнего действия, и наоборот.

Также на основании факторов близости, интенсивности и вероятности, Барри Бьюзен выделяет слабые и сильные типы угроз. Первый тип характеризуется неопределенностью, дистанцированностью во времени и пространстве, слабой вероятностью появления и слабыми последствиями; угрозы такого типа чаще всего не имеют исторических предпосылок. Второй тип определяется близостью во времени и пространстве, определенностью, высокой вероятностью возникновения и значимыми последствиями; сильные угрозы часто имеют историческую подоплеку. Однако, несмотря на эту, вполне четкую дифференциацию угроз, Бьюзен делает акцент на том, что в современной мировой политической системе большинство угроз подвержены действию факторов, которые управляют их результатом и последствиями весьма неопределенно. Таким образом, с точки зрения Б. Бьюзена, проблема безопасности сводится к анализу угроз в контексте нового типа системы международных отношений, сформировавшегося после окончания Холодной войны.

Следующим пунктом нашего анализа должна стать политическая теория К. Холсти. Описывая международную систему, Холсти предлагает следующий тезис: «Такая система называется анархией. Анархия не означает хаос. Это, скорее, означает отсутствие управления»<sup>12</sup>. Следовательно, если в системе нет управления и структур, которые могли бы его обеспечивать, то у государства остается только один путь – самому обеспечивать безопасность страны и граждан: «Только государства создают законы для своих граждан и субъектов, и в конечном счете государства должны полагаться на себя в обеспечении безопасности»<sup>13</sup>. Развивая эту мысль, Холсти делает вывод о том, что в такой международной системе должна царить атмосфера подозрительности и неприязни. Описывая отношения государств, ученый приводит в качестве аналогии отношения охотника и зайца, причем одна и та же страна может быть охотником с точки зрения одного государства и зайцем с позиции другого.

Основываясь на такой характеристике мировой политической системы, Холсти делает вывод о том, что война – основная форма взаимодействия между государствами, и, если мы хотим понять сущность политических отношений, нам необходимо изучать именно войны. Исходя из этой посылки, Холсти выделяет три типа военных конфликтов, значимых при анализе политики.

Итак, первый тип – институционализированные войны. Такой тип войн ученый лаконично характеризует как «сражение ради огня»<sup>14</sup>. Эти военные конфликты характеризуются наличием насилия, слабоорганизованными армиями, фактическим отсутствием политической мотивации среди военных и лидеров стран. По мнению Холсти, в

<sup>12</sup> K.J. Holsti, *The State, War, and the State of War*, Cambridge 1997, p. 7.

<sup>13</sup> *Ibidem*, p. 7.

<sup>14</sup> *Ibidem*, p. 29.

таких войнах «дипломатические цели достигались с помощью военных побед над вооруженными силами противника, а не с помощью ведения войны против граждан»<sup>15</sup>. Примером данного типа войн может служить Тридцатилетняя война (1618-1648), которая началась из-за религиозных противоречий.

Второй тип – тотальные войны. Такое название обусловлено увеличением военно-технических и финансовых ресурсов, затрачиваемых на ведение боевых действий. Однако, по мнению Холсти, эти факторы играют инструментальную роль в этом типе войн. Гораздо более важен другой аспект – в этих войнах принимают участие не только профессиональные военные. Вся нация берется за оружие и защищает свои интересы («*nation-in-arms*»). Помимо этого, в конфликтах второго типа наблюдается следующий процесс: «Кодификация законов войны начинает замещать неофициальные «правила игры», которые были выработаны в XVIII веке»<sup>16</sup>. В данном тезисе ученый показывает, что в период с наполеоновских войн до Второй мировой войны государства разрабатывали различные кодексы и нормы, которые детерминировали военно-политическое взаимодействие.

Войны третьего типа наиболее характерны для современного этапа развития мировой политической системы. Их главным отличием от двух предыдущих является тот факт, что в таких конфликтах главным актором становится обычный гражданин, человек, чье сознание политизировано государством. Государственные институты фактически насильно объединяют людей в политизированные сообщества, которые должны выполнять цели государства: «В войнах между общностями и армиями каждый автоматически становится участником сражений, независимо от моральных предпочтений»<sup>17</sup>. Исходя из этого определения, можно сказать, что, по мнению Холсти, в наши дни нет различий между солдатом и гражданином, и все военно-политические конфликты приобретают характер информационных войн. Завершая анализ типологии военных конфликтов, уместно будет привести в чем-то поэтический тезис Холсти о последнем виде конфликтов: «В войнах третьего типа смертельная игра ведется в каждом доме, церкви, государственном учреждении, школе, на каждом шоссе и в каждой деревне»<sup>18</sup>.

Таким образом, согласно Холсти, проблема безопасности для современного государства – это проблема войны, а точнее ее типа. Как мы можем видеть, в настоящее время большинство стран вовлечены в войны «третьего типа».

Еще один ученый, концепцию которого необходимо рассмотреть в рамках нашего исследования, – Дж. Мизршеймер, один из теоретиков так называемого «наступательного реализма». Для того, чтобы понять место и роль безопасности в его концепции, необходимо реконструировать его видение системы международных отношений. Сам ученый назы-

---

<sup>15</sup> *Ibidem*.

<sup>16</sup> *Ibidem*, p. 33.

<sup>17</sup> *Ibidem*, p. 39.

<sup>18</sup> *Ibidem*.

вает эту систему «self-help world», в рамках которой государства «вынуждены быть эгоистичными»<sup>19</sup>. В этом мире у государств есть только два пути поведения. Первый, нежелательный – это сохранение status quo на международной арене, сопровождающееся накоплением ресурсов. По мнению ученого, государство должно обладать военным арсеналом, достаточным для развязывания войны против сильнейшего государства мира. При этом не имеет значения, каковы шансы на успех; не важно, будет выиграна или проиграна потенциальная война. Важно лишь одно – наличие ресурсов, которые позволили бы бросить вызов мировому лидеру.

Второй путь действия государств – попытка достижения гегемонии на международной арене. Этот путь Миэрсшеймер считает наиболее приемлемым и перспективным вариантом внешнеполитического курса государства. По его мнению, гегемония «означает доминирование в системе, которая чаще всего интерпретируется как весь мир»<sup>20</sup>. Из этого определения следует, что существует как минимум два типа гегемонии – глобальная и локальная. Нетрудно догадаться, что суть различия между этими понятиями в объеме потенциала влияния гегемона.

Помимо локальной и глобальной гегемонии, Миэрсшеймер выделяет еще один тип позиционирования государства на международной арене, который не может быть отнесен к кластеру гегемоний. Ученый называет этот феномен трудно переводимым на русский язык словосочетанием «off shore balancers». Наиболее приемлемый перевод – внешние стабилизаторы. Суть данного явления заключается в следующем: некоторое сильное государство, расположенное вне пределов определенного региона, оказывает сильное влияние на политические процессы в рамках этой области, то есть стабилизирует ее извне. Примером такого государства могут служить Соединенные Штаты по отношению к Латинской Америке.

Возникает вполне резонный вопрос: в чем отличие внешнего стабилизатора от локального гегемона? На наш взгляд, отличия следующие. Во-первых, внешней стабилизатор находится вне пределов региона, а локальный гегемон должен быть включен в региональное пространство контроля. Во-вторых, внешний стабилизатор совсем не обязательно осуществляет именно гегемонию в регионе, в то время как гегемон занимается именно этим.

Еще одним важным пунктом теории Миэрсшеймера является вопрос об операциональных целях государства. В данном случае речь идет о приоритетных направлениях внешней политики любого актора, который желает достичь если не гегемонии, то относительно стабильного положения на международной арене. Эти цели называются операциональными (*operational*) в том смысле, что они требуют активного осуществления. Следует отметить, что такая постановка вопроса о целях государства фактически повторяет идеи Ганса Моргентау о национальном интересе, который должен поддержи-

<sup>19</sup> J. Mearsheimer, *The Tragedy of Great Power Politics*, N.Y. 2001, p. 33.

<sup>20</sup> *Ibidem*, p. 40.

ваться соответствующей силой. Другими словами, операциональная цель – это иное наименование национального интереса.

Итак, какие же операциональные цели государства выделяет Миэршеймер?

Во-первых, локальная (региональная) гегемония вместо глобальной. Миэршеймер отмечает, что достижение полноценной мировой гегемонии труднодоступно, поэтому государству следует в первую очередь попытаться повысить свой статус в рамках отдельного региона или континента.

Во-вторых, максимизация благосостояния государства. Здесь мы видим явное влияние не только классического политического реализма Ганса Моргентау, но и идей последователей структурного реализма К. Уолца. Они, как и Миэршеймер, особое внимание уделяли развитию физической базы государства (прежде всего, увеличению экономических и демографических параметров). Иными словами, Миэршеймер говорит о возрастании социально-экономической функции полезности в рамках государства.

В-третьих, достижение превосходства на суше. Здесь мы лицом к лицу сталкиваемся с влиянием геополитических концепций на наступательный реализм Миэршеймера. По мнению ученого, сухопутные войска являются наиболее важным элементом военной мощи государства, в то время как другие типы военных соединений выполняют по отношению к ним инструментальную роль. Также Миэршеймер делает истинно геополитическое заявление о том, что государства, отделенные от основных континентов (прежде всего, США и Великобритания) морскими пространствами, обладают большими преимуществами по сравнению с другими акторами международной политики.

И, наконец, в-четвертых, необходимость достижения ядерного превосходства. По мнению американского ученого, ядерное оружие является важным элементом процесса достижения гегемонии. Также необходимо отметить, что в этом тезисе Миэршеймер оппонирует Моргентау, который писал о четырех парадоксах ядерной стратегии государств и заявлял, что достижение паритета в ядерных вооружениях не приведет ни к чему хорошему. Миэршеймер же считает, что в настоящее время паритет не может быть достигнут, и, следовательно, государству необходимо продолжать наращивать ядерный потенциал и делать это быстрее, чем его противники.

Помимо характеристики операциональных целей государства, Миэршеймера интересует вопрос о способах достижения этих целей. Ученый предлагает три блока различных стратегий поведения государств на международной арене.

Первый блок – это стратегии получения власти или достижения преимуществ по отношению к другим акторам политических отношений. К ним Миэршеймер относит войну и шантаж, который чаще всего связан с «бряцанием оружием», то есть угрозами начала военных действий. Также Миэршеймер выделяет стратегию «*bait and bleed*»<sup>21</sup>, которая предполагает развязывание затяжной войны между неугодными государствами, ожидание рас-

<sup>21</sup> Дословный перевод: стравливание и ожидание, пока противники истекнут кровью.

траты ими ресурсов и ослабления, для достижения собственных интересов в этом противостоянии. Кроме того, американский международник выделяет стратегию под названием «*bloodletting*»<sup>22</sup>, которая, в отличие от предыдущего концепта, предполагает молниеносную войну между нежелательными противниками.

Второй блок – это стратегии сдерживания агрессоров, которые государствам следует использовать в случае появления угрозы для их существования. Миэршеймер выделяет две таких стратегии. Первая называется балансирование и включает в себя дипломатические отношения, возможность создания альянсов и союзов для противостояния агрессору, а также мобилизацию собственных ресурсов. Второй тип поведения – перекладывание ответственности на других. Подразумевается, что в случае возникновения угрозы для государства правительству необходимо перевести вектор агрессии на других акторов международных отношений.

Последний, третий блок – это стратегии предупреждения. К ним относятся политика умиротворения агрессора и, так называемый, «эффект ярмарочного вагончика»<sup>23</sup>. Если в первом случае все относительно ясно, то вторая стратегия вызывает определенные вопросы. Что же имеется в виду под этим странным словосочетанием? Эффект ярмарочного вагончика – такой тип поведения государств, при котором более слабые страны примыкают к сильной державе и «едут» за ней по международной арене. В теории наступательного реализма Миэршеймера такое примыкание является способом избежать прямого воздействия агрессора.

Таким образом, для Дж. Миэршеймера проблема безопасности представляет собой поиск ответа на вопрос: гегемоном какого уровня может стать государство и с помощью какой стратегии? Иными словами, достижение безопасности возможно только через достижение гегемонии.

Последний пункт нашего анализа – теория «баланса угроз», разработанная С. Уолтом. Теория баланса сил, элементарные основы которой были разработаны К. Уолцем в 70-ые годы XX века, оказалась слишком статичной, чтобы объяснить процессы, происходившие на международной арене в 1980-ые годы. Именно поэтому Уолт решил внести в этот концепт некоторые теоретические изменения, превратив баланс сил в баланс угроз. В 1985 году он опубликовал свою знаменитую статью «Формирование альянсов и баланс мировой силы»<sup>24</sup>, где впервые был введен термин «баланс угроз».

В основу своего исследования по формированию межгосударственных союзов и военных альянсов Уолт кладет антиномии, состоящую из двух понятий: «баланс» и «следование за сильным». Если в первом случае у нас не возникает проблем с пониманием термина «баланс», то во втором случае мы сталкиваемся с определенными

<sup>22</sup> Дословный перевод – кровопускание.

<sup>23</sup> От англ. «*bandwagon effect*».

<sup>24</sup> Vide S.M. Walt, *Alliance Formation and the Balance of World Power*, "International Security", Vol. 9, No. 4 1985.

проблемами. Уолт использует термин «bandwagoning», который нельзя перевести на русский язык одним словом. В другом разделе нашего исследования, посвященном идеям Дж. Миэршеймера, мы использовали следующий вариант перевода – «эффект ярмарочного вагончика». В данном случае нам представляется более оптимальным использовать другой вариант перевода – «следование за сильным», так как это позволит наиболее четко описать теорию баланса угроз С. Уолта.

По мнению Уолта, подавляющее большинство действий государств в политике можно свести либо к стремлению к балансу, либо к желанию следовать за сильным. Баланс означает «объединение в оппозицию главному источнику опасности»<sup>25</sup>, а следование за сильным понимается как «объединение с государством, которое представляет собой основную угрозу»<sup>26</sup>.

Уолт выдвигает гипотезу о том, что баланс предпочтительней для государств в том случае, когда группа акторов может создать относительно прочный союз для противостояния агрессору. Однако, в некоторых случаях, государства более склонны выбирать другой путь – следование за сильным.

Американский исследователь предлагает нашему вниманию перечень причин выбора той или иной стратегии поведения.

Государства скорее выберут баланс вместо следования за сильным в том случае, когда они осознают невозможность сдерживания агрессора собственными силами. Также выбор этой стратегии поведения может быть связан с тем, что «соединение с более уязвимой стороной увеличивает влияние нового члена (*союза – прим. автора*), потому что слабая сторона нуждается в помощи»<sup>27</sup>. В этом тезисе крайне отчетливо проявляется принадлежность Уолта к кластеру теорий политического реализма. Даже создавая межгосударственных альянс, акторы в любом случае стремятся к усилению своего влияния на международной арене, выбирая в качестве союзников более слабых субъектов политики. Основной целью союза действительно может быть противостояние агрессору, но также существует и латентная цель – оказание влияния на другие государства.

Описывая процесс выбора стратегии следования на сильным, Уолт также указывает на два основных мотива такого выбора. Во-первых, такой тип поведения может использоваться как форма политики умиротворения агрессора. Во-вторых, «государство может вступать в союз с доминирующей в войне стороной с целью разделить плоды победы»<sup>28</sup>. Рассматривая этот тезис, мы видим, что даже в опасной ситуации государства всегда стараются получить какую-то долю «выгоды-для-себя». Иными словами, в случае выбора стратегии следования за сильным, у государств также

---

<sup>25</sup> *Ibidem*, p. 4.

<sup>26</sup> *Ibidem*.

<sup>27</sup> *Ibidem*, p. 6.

<sup>28</sup> *Ibidem*, p. 8.

присутствуют основная и латентная цель: собственное спасение и стремление увеличить уровень своего влияния на международной арене.

Исходя из всего вышесказанного, мы, тем не менее, не можем согласиться с Уолтом в том, что государства в большинстве случаев склонны выбирать формирование альянса, нежели следование за сильным. Для того, чтобы найти подтверждение этому тезису, нам необходимо погрузиться в концепцию Уолта глубже.

По мнению американского исследователя, государство может принять решение о выборе той или иной стратегии поведения только после оценки уровня угрозы, исходящей от агрессора. Уолт предлагает четыре основания для этой оценки: совокупная сила, дальность, наступательная мощь и наступательные намерения. Под совокупной силой следует понимать физическую базу государства – население, промышленные и военные возможности, технологическое совершенство и т.д. Дальность в данном случае является аналогом понятия «потенциал проецирования силы», то есть возможности оказывать влияние на определенном расстоянии. Наступательную мощь Уолт определяет как потенциал возможной атаки, причем речь идет именно о вооружениях (в этом заключается отличие от совокупной силы). Под наступательными намерениями следует понимать желание государства начать войну или вступить в противостояние с другими политическими акторами.

Анализируя этот теоретический элемент концепции С. Уолта, нельзя не обратить внимание на явную корреляцию этих положений с таким аспектом политической теории Б. Бьюзена, как «функционирование угроз» («*The Operation of Threats*»). По сути дела, оба мыслителя интересуются одним и тем же вопросом, при этом называя его разными терминами. В обоих случаях речь идет о способе «калькулирования» угрозы, попытке присвоить ей тот или иной уровень опасности в соответствии с различными основаниями.

Также Уолт указывает на то, что государства реже выбирают следование за сильным по двум причинам. Во-первых, сам агрессор не всегда готов «принять под крыло» слабое государство, так как возможности последнего не представляют никакого интереса для агрессора. Иными словами, слабому государству нечего дать взамен сильному. Во-вторых, «слабые государства склонны к следованию за сильным, когда формирование альянсов просто невозможно»<sup>29</sup>. В данном случае речь идет о том, что государства выбирают следование за сильным в тех случаях, когда они не могут найти себе союзников и вступить в какой-либо альянс.

Тем не менее, все еще остается открытым вопрос о том, почему государства выбирают баланс чаще, чем следование за сильным. Чтобы дать окончательный ответ, Уолт обращается к теоретическому наследию отца-основателя классического политического реализма Ганса Моргентау и заимствует из его теории термин «идеологическая

---

<sup>29</sup> *Ibidem*, p. 17.

солидарность» («*ideological solidarity*»). Этот термин отражает «похожесть» государств друг на друга, причем речь идет, прежде всего, о сходстве политических и культурных черт.

Используя это понятие, Уолт предлагает нашему вниманию своеобразную «теорему баланса угроз», которая звучит следующим образом: «Чем больше два и более государства похожи друг на друга, тем больше вероятность того, что они создадут альянс»<sup>30</sup>. Из этого тезиса следует, что для С. Уолта безопасность связана с проблемой выбора стратегии поведения государства на международной арене. Иными словами, государство может достичь безопасности через вступление в альянс или через «следование за сильным».

Подводя итог, необходимо отметить, что безопасность в концепциях неоклассического реализма в большинстве случаев рассматривается через призму стратегий поведения государств на международной арене, которая, в свою очередь, претерпевает постоянные трансформации в условиях мира или войны.

## Библиография

- Buzan Barry, Little Richard. 2000. *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations*. New York: Oxford University Press.
- Buzan Barry. 1991. *People, States & Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. Dorchester: Pearson-Longman.
- Holsti Kalevi Jakko. 1997. *The State, War, and the State of War*. Cambridge: Cambridge University Press
- Mearsheimer John. 2001. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton.
- Walt Stephen Martin. 1985. "Alliance Formation and the Balance of World Power". *International Security* Vol. 9, No. 4.

---

<sup>30</sup> Там же., с. 19.